

О. П. Дмитриева,
заведующий кафедрой межкультурной профессиональной коммуникации
Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники,
кандидат исторических наук, доцент

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ (1917–1941 гг.)

В статье на основе релевантного фактического материала представлен историко-педагогический анализ этапов развития языкового образования в Беларуси в 1917–1941 гг. с учетом взаимосвязи между используемыми в регионе языками и социальными структурами. Определено, что сфера повседневной и профессиональной коммуникации населения Беларуси во многом определялась вектором языковой политики официальных властей – Временного правительства и советской власти. Выявлены социолингвистические факторы, повлиявшие на развитие языкового образования в Беларуси в 1917–1941 гг. Установлена взаимосвязь между тенденциями усиления и ослабления роли государственных языков БССР (белорусского, русского, польского и идиш) и их образовательными функциями.

Социолингвистический аспект истории развития языкового образования выступает одним из определяющих факторов для анализа сложившейся языковой ситуации в Беларуси в контексте сосуществования двух государственных языков – белорусского и русского, применяемых их носителями в различных функциональных сферах. Современная языковая ситуация, для которой характерно использование двух языков в условиях диглоссии во многом обусловлена исторически оформившимся мультилингвизмом, предполагающим применение индивидуумами или группами людей различных языковых кодов в соответствии с конкретными коммуникативными условиями, а также с учетом социального и конфессионального статуса личности.

В связи с этим актуальным представляется выделение языкового образования на территории Беларуси в разные исторические

периоды как предмета отдельного историко-педагогического исследования, результаты которого могут быть использованы в качестве научного основания для всестороннего изучения и анализа современной социолингвистической ситуации в Беларуси через установление взаимосвязи между индивидуумами и отдельными группами людей и местными языками в регионе.

В данной статье с позиции социолингвистического аспекта представлен историко-педагогический анализ четырех этапов развития языкового образования на территории Беларуси в 1917–1941 гг.: 1) национальные языки в период Временного правительства; 2) языковая ситуация после Октябрьской революции 1917 г.; 3) национальные языки и языковое образование в условиях белорусизации; 4) свертывание белорусизации и ее последствия для языкового образования в регионе.

Проблематика социолингвистического развития языкового образования на территории Беларуси отражена в работах белорусских исследователей С. В. Снапковской (педагогическая историография, этнокультурное и аксиологическое развитие образования и педагогической мысли), П. Н. Резько, С. Ф. Шимуковича (становление и развитие национальной системы высшего образования), С. Н. Запрудского (история белорусского языкознания), О. П. Дмитриевой (полиязыковая ситуация в Беларуси в период Временного правительства и становления советской власти), а также в работах российского ученого В. М. Алпатова и польского исследователя Х. Глоговской (языковая политика и социолингвистический аспект). Исследования Ц. Прейгерсона, Э. Бемпарад, Б. Куцмани освещают социокультурный характер роли и места идиш в языковом образовании после 1917 г.

Релевантный фактический материал по некоторым аспектам языкового образования представлен нормативно-правовой документацией: «Декларация прав народов России» (1917 г.), постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (1917 г.), Конституция (основной закон) РСФСР 1918 г., Декларация о провозглашении независимой ССРБ (1920 г.), Конституция (основной закон) БССР 1927 г., рядом постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) и правительственных декретов (декрет 1924 г., декрет 1933 г.), а также тематическими статьями в периодических изданиях «Беларускі шлях», «Гоман», «Звезда».

С марта 1917 г. развитие языкового образования в белорусском регионе следует рассматривать в контексте деятельности Временного правительства, пришедшего на смену царским властям. Новые власти отрицательно оценивали политику Российской империи в сфере языкового образования и печати на белорусских землях, аргументируя, что в 1914–1917 гг. на белорусских территориях, не подконтрольных немецкому военному командованию, не было издано ни одного журнала на белорусском языке. Отметим, что в конце 1916 г. в Петербурге на условиях цензуры начали печататься два еженедельника – «Дзяніца» и «Светач», в которых для обозначения белорусских земель вместо слова «Беларусь», как правило, использовалось словосочетание «наш край». Сложившаяся ситуация повлияла на содержание Декларации прав народов России, принятой Временным правительством в ноябре 1917 г. Документ отменил «все и всякие национальные и национально-религиозные привилегии и

ограничения» и провозгласил свободное развитие национальных общностей в границах России, а значит, имел юридическую силу на белорусских территориях [1, с. 104].

Правительственные нововведения в языковой ситуации были определены постановлением «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», принятом 20 марта 1917 г. В нем указывалось, что «<...> все граждане должны быть равны перед законом», поэтому все ранее установленные ограничения, «<...> обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности отменяются» [2]. Таким образом, на белорусских землях официально признавалось равноправие языков всех национальностей и появлялись возможности для постепенного внедрения местных языков в систему языкового образования. Отметим, что данная инициатива была реализована частично, так как в действительности использование родного языка в образовательном процессе было возможно лишь в частных школах и делопроизводстве негосударственных учреждений.

План мероприятий по закреплению равноправного статуса всех местных языков обсуждался во время работы Первого Всероссийского съезда Советов в Петрограде в июне 1917 г. На заседании поднимался вопрос о принятии декрета о равноправии языков при сохранении за русским языком статуса общегосударственного, однако участники Первого Всероссийского съезда Советов не пришли к единому решению.

2 ноября 1917 г. текст «Декларации прав народов России» закрепил статус равенства и суверенности всех народов нового государства, их право на свободное самоопределение, в том числе в вопросах языковой коммуникации. Одновременно были отменены все национальные и религиозные привилегии и ограничения, предполагалось свободное развитие всех национальных общностей, населявших территорию бывшей Российской империи [1, с. 109].

С ноября 1917 г. развитие языков в регионе было связано с деятельностью советской власти. Значимая роль в вопросах продвижения национального образования на белорусских территориях отводится Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее – РСФСР), принятой 10 июля 1918 г. В Конституции декларировалось, что «церковь отделяется от государства и школа от церкви», а также гарантировалось «<...> полное, всестороннее и бесплатное образование». Граждане страны наделялись правом использовать «все техни-

ческие и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати», что обеспечивало «их свободное распространение по всей стране» [3, Ст. 13, 14, 17].

Таким образом, 1917–1918 гг. стали началом нового этапа в развитии местных языков в регионе. У местного населения появилась потенциальная возможность на законодательном уровне развивать белорусский, еврейский (идиш), польский, русский, литовский, латышский, украинский, татарский, использование которых зачастую определялось социолингвистическими и социокультурными особенностями белорусских земель. Так, долгое время польский язык использовался в костеле и школе, белорусский – в церкви, местной публицистике и культуре, идиш – в коммерции, русский – в официальном дискурсе. Городское население общалось по-русски, по-польски и на идиш, причем использовались как устная, так и письменная формы языка. В сельской местности преобладал устный белорусский язык.

Для этого периода характерно постепенное изменение роли и назначения белорусского языка. Если до 1917 г. местное население в качестве средства повседневного общения использовало в основном устную форму белорусского языка, то в последние годы Первой мировой войны в среде белорусской интеллигенции наметился интерес к письменной форме литературного белорусского языка, началось переосмысление его места и роли в обществе.

Локальная периодика того времени отстаивала идеи ведущей позиции белорусского языка в вопросах национального и социокультурного развития. В статье «Ішчэ аб нацыянальнай школе», опубликованной в марте 1918 г. в газете «Беларускі шлях», отмечалось, что «наша белорусская интеллигенция, причисляющая себя то к русской, то к польской культуре, <...> должна наконец опомниться», а в статье «Новая Беларусь» газеты «Гоман» за 19 июля 1918 г. И. Мелешко призывал белорусов отойти от российской культуры и обратиться к своим истокам [4, с. 2; 5, с. 1–2].

Вместе с тем наметившаяся тенденция по распространению письменной формы белорусского языка не ослабила позиции русского языка в регионе, который по-прежнему использовался в качестве официального языка делопроизводства. Особый статус русского языка на белорусских землях был усилен в период становления советской власти. Например, объявление о проведении Первого Всебелорусского съезда советов 5–17 дека-

бря 1917 г. было опубликовано на русском языке. Изданный в 1919 г. текст Конституции Советской Социалистической Республики Белоруссии (далее – ССРБ) был также русскоязычным [6].

Развитию белорусского языка и белорусскоязычного образования содействовали Издательский и Культурно-просветительский отделы Белорусского национального комиссариата (далее – Белнацком), деятельность которого охватила всю территорию Беларуси в ее этнографических границах в соответствии с Этнографической картой белорусского племени, составленной профессором Е. Ф. Карским в 1903 г.

В марте 1918 г. на базе Петроградского отделения Белнацкома был учрежден Белорусский отдел Комиссариата по делам национальностей Союза коммун Северной области (далее – СКСО). Основными направлениями работы СКСО были создание и развитие внешкольного и общешкольного образования, содействие научно-художественной деятельности, проведение мероприятий по сбору и охране предметов научной ценности и художественных произведений, вывезенных из Беларуси за годы Первой мировой войны. Также планировалось открытие высших учебных заведений, белорусского народного театра и публичной библиотеки [1, с. 110–112].

Деятельность Белнацкома содействовала книгоизданию на местных языках региона. В 1918–1919 гг. было издано не менее 10 белорусскоязычных книг, две листовки, литературный альманах «Зажынкi», газета «Дзянніца», а также отдельные материалы журнала «Чырвоны шлях».

В Москве при Белорусском научно-культурном обществе, деятельность которого в дальнейшем легла в основу начального этапа создания Национальной Академии наук Беларуси, печатался журнал «Белорусская жизнь». В этом издании на белорусском, украинском и польском языках печатались статьи о различных сферах жизни местного населения, приводились сведения о социолингвистической ситуации в белорусском регионе, отмечалось, что «белорусская народность тесным образом связана с польской и украинской и многие белорусы усвоили польскую речь, равно как немало польских ученых посвящают свои силы изучению Белоруссии». В то же время в издании акцентировалось, что «<...> отдельные части Белоруссии, как пинское Полесье, употребляют язык наполовину малорусский, и украинские ученые также пишут на своем языке по вопросам белорусоведения» [1, с. 12, 110–112; 7, с. 380–383], что

свидетельствует об усилении интереса среди различных социальных групп региона к изучению белорусского языка, истории и культуры Беларуси.

Анализ локальной периодики 1917–1919 гг. позволяет проследить некоторые языковые тенденции в сфере публикационной деятельности. Для развития книжного дела и периодики начала XX в., как и в более ранние периоды белорусской истории, было характерно использование наиболее распространенных языков и графических систем местных этносов – белорусов, евреев, русских, поляков, украинцев, литовцев, латышей и татар. Вместе с тем русский язык продолжал занимать лидирующую позицию в книгоиздании Беларуси.

Исторически обусловленная связь белорусского языкового пространства с языками других национальностей региона во многом определила полиязыковой характер образовательного процесса, в котором наряду с обучением белорусскому языку преподавались и изучались языки других этнических общностей. Вместе с тем анализ развития языкового образования в 1917–1918 гг. не позволяет в полной степени реконструировать события того времени. В условиях Первой мировой войны многие школы, действовавшие на территории Беларуси, были закрыты или эвакуированы. По этой причине в исследовании использованы и проанализированы фрагментарные сведения о деятельности школ.

К 1919 г. на фоне исторически сложившегося мультилингвизма в регионе создавалось образовательное пространство с правом обучения на родном языке наиболее представительных этносов, но при сохранении ведущей роли русского языка. Данные о начальном школьном обучении в Вильно за 1918 г. свидетельствуют о деятельности 33 начальных школ, из которых 18 были русскоязычные, 8 – белорусскоязычные, 2 – польскоязычные, 1 – татарская, и в 6 школах преподавание осуществлялось на идиш [1, с. 117].

В послереволюционный период, как и ранее, наиболее образованной национальной общностью Беларуси оставались евреи, составлявшие 13,2% от общего числа местного населения [1, с. 40]. Большинство евреев владело навыками письма и чтения, что позволяло им принимать активное участие в общественной жизни нового государства.

Начиная с 1918 г. популяризация идей советской власти среди еврейского населения реализовывалась за счет использования понятного и родного для них языка. Привычная для XIX–XX вв. устная и письменная коммуникация между евреями на иврите постепенно

заменялась графической и фонетической системами идиш. Дополнение к Постановлению о языках в школах национальных меньшинств определило родным языком евреев, проживающих на территории РСФСР, в том числе и на белорусских землях, идиш. Также в 1918 г. в составе Народного комиссариата по делам национальностей был образован Еврейский комиссариат (*далее* – Евком) [8; 9, р. 58].

Для успешной идишизации населения требовалась унификация идиш, то есть создание единой орфографической системы языка на основе его письменной формы, сочетавшей в себе графику иврита и немецкое правописание. Реформа орфографии идиш, проведенная в 1920 г., положила начало новому этапу в его развитии, в основном в устной форме деловой и профессиональной коммуникации в канцелярском деле, судопроизводстве и средствах массовой информации. Однако в области письменной коммуникации развитие идиш было более медленным [10, с. 69, 11, с. 233].

После 1917 г. в белорусских городах и местечках увеличилось число еврейских школ. В 1918 г. в Минске действовали четыре вечерние еврейские школы с преподаванием на идиш и русском языке, в которых обучались более 60 человек. Столько же людей получали профессию на курсах для еврейских учителей. За 1918 г. в Минский городской отдел по народному образованию было отправлено более 50 заявлений от учителей-евреев. Для детей дошкольного возраста в Минске было открыто шесть детских садов. В городе также была открыта 2-я советская русско-еврейская библиотека [1, с. 117].

В конце 1918 г. в местечке Ганцевичи Слуцкого уезда Минской губернии начал свою деятельность еврейский культурно-просветительский кружок. Осознавая педагогическую ценность образования на родном для евреев языке, организаторы кружка обратились в Отдел народного образования с просьбой помочь им открыть школу и библиотеку с читательским залом. Для функционирования библиотеки были закуплены книги и оформлена подписка на периодические издания на идиш и русском языке [1, с. 117–118].

В первые годы установления советской власти для нейтрализации польского влияния на белорусских землях правительство противопоставляло польский язык другим местным языкам, поэтому развитие польскоязычного образования протекало в условиях коренизации письменного польского языка при параллельном использовании родных языков других национальных общ-

ностей региона. В связи с этим к концу 1918 г. начальные школы с обучением на польском языке открывались в основном за счет личных средств граждан-поляков. Из-за недостаточного количества педагогов и неразработанной учебно-методической базы польскоязычных материалов открытие польских школ в Беларуси не было повсеместным. В 1918 г. в Минске насчитывалось около 20 польских школ, где обучались около 1 тыс. учеников-поляков. В городе также функционировали польская школа для взрослых, польская библиотека и два польскоязычных детских сада. В это же время во всем Полоцком уезде действовали 9 школ с обучением на польском языке и один польскоязычный детский сад. В уезде также планировались курсы польского языка для взрослых, открытие библиотек, клубов, музыкально-драматических кружков и народных домов с польским языком обучения и просвещения. Объявления об открытии новых школ и клубов, а также проведении лекций и других культурных мероприятий размещались в локальных периодических изданиях на польском языке [1, с. 119].

Формирование системы национального языкового образования в Беларуси протекало в условиях деятельности первых классических и профильных университетов, организационное оформление которых началось во второй половине XIX – начале XX в. Первыми высшими учебными заведениями стали Белорусская государственная сельскохозяйственная Академия (*ранее* – Горы-горецкая земледельческая школа, Горы-горецкий земледельческий институт), Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова (*ранее* – Могилевский учительский институт) и Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (*ранее* – Минский учительский институт), открытые в 1840 г., 1913 г. и 1914 г. соответственно [12, с. 7–8]. Отметим, что появление высшего учебного заведения педагогического профиля свидетельствует об актуальной для того времени потребности в подготовке педагогов, в том числе по языковому профилю.

Особенностью развития языкового образования на белорусских землях в первые годы существования советской власти выступил региональный мультилингвизм, в условиях которого родные языки наиболее представительных этносов региона – белорусский, польский, идиш и русский, приобретали статус полноправных языков и заключали в себе потенциал для постепенного формирования системы национального об-

разования.

Определяющим фактором развития языков и языкового образования в 1920-е – начале 1930-х гг. выступал полиязыковой характер коммуникативной среды региона, что отражено в принятой 31 июля 1920 г. Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии (*далее* – ССРБ), установившей равноправие белорусского, русского, польского и еврейского языков «в сношениях с государственными учреждениями и в организациях и учреждениях народного просвещения и социалистической культуры» [13]. Текст закона подтверждает тезис о том, что при проведении языковой политики на белорусских землях советское правительство признавало и учитывало исторически сложившуюся социолингвистическую ситуацию.

В 1920-е гг. развитию белорусского языка содействовал комплекс мероприятий по национально-государственному восстановлению ССРБ (*также* – Белорусская Советская Социалистическая Республика, или БССР), для которых применим общепринятый научный термин – «белорусизация». До начала 1930-х гг. политика белорусизации также определяла вектор развития языкового образования. С учетом численного преимущества белорусского населения в регионе был разработан комплекс государственных мер по продвижению белорусского языка. На белорусский язык планировалось перевести сферы обучения и делопроизводства, расширить белорусскоязычное книгоиздательство, сделать изучение белорусского языка обязательным условием для работников партийных и советских органов [14, с. 38].

13–17 декабря 1920 г. II Съезд Советов БССР признал необходимым продолжить работу по распространению белорусского языка в стране, в том числе за счет перевода делопроизводства на белорусский язык. В 1921 г. наркоматы Просвещения и Иностранных дел одними из первых приступили к переводу делопроизводства на белорусский язык.

Расширение функций белорусского языка в обществе в указанный период повлекло за собой необходимость его исследования для последующей кодификации через упорядочение норм языка и их фиксации в справочной литературе, а также организации обучения белорусскому языку и на белорусском языке, что положительно повлияло на развитие системы высшей школы.

Декрет 1924 г., закрепивший равноправие четырех основных языков региона – белорусского, идиш, польского и русского, подтвердил позицию советской власти в отношении

местных языков, страженной еще в Декларации 1920 г. Концепция равного статуса четырех языков, в том числе при коммуникациях в государственных и общественных учреждениях и организациях, была закреплена в Конституции БССР 1927 г., признавшей за всеми гражданами право «свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни». Таким образом, все национальные меньшинства получили юридическое право обучаться в школе на родном языке. С учетом преобладания населения белорусской национальности в регионе – 80,6% от общего числа граждан БССР, белорусский язык определялся как «язык преимущественный для сношения между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями». В то же время согласно Конституции 1927 г. был предусмотрен перевод и публикация важнейших законодательных актов на белорусском, еврейском, русском и польском языках. Отметим, что в отличие от русскоязычной Конституции 1919 г., текст Конституции 1927 г. был подготовлен и издан на белорусском языке, а девиз герба БССР «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», ранее представленный на белорусском и русском языках, был дополнен текстами на идиш и польском [15, Ст. 21–23].

В 1924 г. ЦИК БССР принял постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики», в котором определялся ведущий статус белорусского языка наряду с другими языками республики, используемыми в устной и письменной коммуникации. При учреждениях и организациях открывались курсы по изучению белорусского языка, а их сотрудникам предписывалось обязательное знание белорусского. Также в каждой организации должно было быть определенное количество работников, владеющих польским языком и идиш.

Развитие белорусского языка в 1920-е гг. в первую очередь связано с белорусизацией образования. Уже в январе 1921 г. в Минске на съезде работников просвещения была принята резолюция о создании белорусских школ с белорусским языком преподавания и обучения. В 1925 г. СНК БССР постановил ввести белорусский язык как язык обучения во всех начальных школах для детей белорусской национальности, а также изучать белорусский язык в качестве отдельного предмета в школах наряду с другими местными языками обучения [16, с. 123, 134]. В высших учебных заведениях предполагалось создание кафедр по изучению истории и культуры Беларуси, в то время как преподавание и обу-

чение на белорусском языке носило рекомендательный характер.

Для понимания социолингвистического характера языковой ситуации в школьном образовании приведены данные за 1926/1927 учебный год. Так, школы, в которых белорусский язык выступал основным языком обучения, составили 92%. Отметим, что среди них 57% школ были семилетними, то есть обладали наиболее высоким статусом в школьной системе того времени. Еврейские школы составили 4%, польские – 2,6%, а русские – 1% от общего числа школ. На долю школ с иными языками обучения приходилось около 0,4% [17, с. 123].

Важным этапом в развитии и популяризации белорусского языкового образования стало открытие в 1921 г. Белорусского государственного университета (далее – БГУ) и в 1922 г. Института белорусской культуры (далее – Инбелкульт). В середине 1920-х гг. уже треть дисциплин в БГУ преподавалась и изучалась на белорусском языке. Инбелкульт первым инициировал разработку белорусской орфографической системы [18, с. 8].

Положительная динамика развития письменной формы местных языков наблюдалась в сфере средств массовой информации. В 1927 г. из 11 газет БССР 4 выходили на русском, 3 – на белорусском, 2 – на польском и 2 – на идиш. Из 11 журналов 4 издавалось на белорусском языке, 3 – на русском, 2 – на белорусском и 2 – на идиш [19, с. 92–94].

Результатом политики белорусизации стала возросшая популярность белорусского языка среди населения страны. Белорусский язык постепенно становился средством массового общения и взаимодействия граждан БССР в социальной, культурной и профессиональной сферах. Вместе с тем присущий региону мультилингвизм сохранял свои позиции и по-прежнему выступал социокультурным фактором, влиявшим на развитие языков и языкового образования.

С конца 1920-х гг. в вопросах государственной языковой политики БССР был взят курс на свертывание белорусизации. Наиболее заметные тенденции в отказе от использования белорусского языка как средства повседневного и профессионального общения наметились в начале 1930-х гг. среди представителей различных социальных и профессиональных кругов, в том числе среди учителей, преподавателей и студентов.

Согласно сведениям о БССР, представленным в спецсправке для Объединенного государственного политического управления (далее – ОГПУ) при СНК СССР от 16 марта 1932 г. отмечалось, что «недопонимание

национальной политики советской власти сказались на вопросах белорусизации», а в Минске, Витебске, Могилеве и других белорусских городах даже фиксировались отказы учителей школ и преподавателей университетов обучать на белорусском языке [20, Л. 227].

Можно предположить, что в ряде случаев для некоторых участников образовательного процесса их отказ от белорусского языка и использование в качестве альтернативы более привычного для них русского языка мог быть обоснованным. Например, профессор Витебского ветеринарного института В. И. Ламский – специалист в области патологической физиологии, заявил, что «не может перевести свой предмет на белорусский язык, так как нет соответствующей научной терминологии». В то же время некоторые преподаватели не видели необходимости в дальнейшем развитии белорусской специальной лексики в различных научных областях. Подобного мнения придерживался преподаватель Витебского политехникума Грищук, который, по сведениям очевидцев, требовал от студентов перевода слов с белорусского языка на русский, мотивируя это тем, что «научную терминологию переводить на белорусский язык нельзя, так как теряется всякий смысл». Схожая ситуация наблюдалась в Энергетическом институте в Минске и Педагогическом институте в Витебске [20, Л. 227–235].

Некоторые преподаватели отказывались от использования белорусского языка в обучении, поскольку не считали знание белорусского необходимым условием для осуществления педагогической деятельности. Профессор Витебского ветеринарного института Зарецкий заявил, что «для изучения им белорусского языка у него нет времени». После введения закона об обязательном изучении письменного белорусского языка от 1 января 1932 г., фиксировались случаи письменных заявлений от имени университетских преподавателей с просьбой о переводе их в учебные заведения РСФСР для осуществления дальнейшей педагогической деятельности на русском языке [20, Л. 227–235].

Анализ документов показывает, что для изучения белорусского языка не было соответствующей учебно-методической базы. Например, к концу 1932 г. около 80% студентов Минского промышленно-строительного техникума не изучали белорусский язык в качестве отдельной дисциплины ни на одном из курсов, также вели конспекты лекций и задавали вопросы исключительно по-русски. Согласно сведениям спецсправки ОГПУ уроки

белорусского языка посещали не более 60% студентов кооперативного отделения Вечернего рабочего университета, а студенты 1-го курса механического отделения высказывались о том, что «белорусский язык выдуман». Часть студентов Автодорожного техникума, не владеющих белорусским языком, проигнорировала запланированную проверку по определению их знаний [20, Л. 227–235].

Ослабление позиции белорусского языка как родного для большинства жителей БССР, нежелание отдельных социальных групп общества использовать его в устной и письменной речи на постоянной основе, а также сложности в изучении белорусского языка потребовали от советского правительства действий в вопросе разработки белорусского нормативного правописания. Отметим, что реформирование белорусского языка стало одной из мер правительства на пути к отказу от политики белорусизации в БССР.

В 1933 г. был принят Декрет №1312 СНК БССР «Об изменениях и упрощении белорусского правописания», текст которого был опубликован в газете «Звезда», а также вышел отдельной брошюрой. Таким образом, классическое правописание, предложенное в 1918 г. белорусским лингвистом Б. Тарашкевичем в первом школьном учебнике белорусской грамматики «Беларуская граматыка для школ», было существенно изменено через введение новых орфографических норм. Например, фиксировалось правописание буквы «я» вместо буквы «е» только в первом предударном слоге, предлагалось написание буквы «в» перед начальными гласными «о» и «у», за исключением географических названий, исключение обозначения ассимилятивной мягкости, вносились изменения в написании заимствованных слов, имен, фамилий, географических названий, а также грамматических форм и др. В 1934 г. был опубликован развернутый и детальный набор новых орфографических правил «Праваяпіс беларускай мовы» [21, с. 1–49].

Таким образом, с середины 1930-х гг. мультилингвизм среди населения БССР уже не воспринимался властями как ключевой фактор при определении государственной языковой политики. Несмотря на то, что Конституция БССР, принятая в 1937 г., по-прежнему определяла статусность польского и еврейского языков, в 1938 г. было принято решение о придании статуса государственного языка только белорусскому и русскому через поправки, внесенные в текст 25-й статьи. Формулировка текста этой статьи «<...> чтобы законы, принятые Верховным советом БССР, публиковались на белорусском, а так-

же русском, польском и еврейском языках» была заменена на новую в следующей редакции: «Законы, принятые Верховным советом БССР, публикуются на белорусском и русском языках» [22, Л. 3]. Предположим, что дальнейшее развитие и использование польского и еврейского языков среди местного населения с государственной позиции больше не представлялось жизнеспособным языковым проектом. Постепенно в сфере языкового образования начался процесс по замене белорусизации БССР русификацией региона. Русский язык внедрялся и распространялся во все сферы делового, научного и культурного общения.

При этом этнический состав населения БССР по-прежнему свидетельствовал о мультилингвальном характере речевой коммуникации населения. Согласно официальным сведениям переписи населения 1926 г., на территории БССР проживало 80,6% белорусов, 8,2% евреев, 7,7% русских и 2% поляков [23, с. 139].

Отметим, что принятию поправок в Конституции БССР 1937 г. о правовом статусе белорусского, русского, еврейского и польского языков предшествовало переосмысление ранее проводимых мер в области языковой политики в республике. В качестве примера приведем постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 июля 1934 г., в котором представлена оценка мероприятий по развитию польскоязычного образования в школах среди преимущественно белорусского населения. В нем указывалось, что «неправильная политика и практика насаждения в районах и селах с большинством белорусского населения польских школ и принудительное обучение белорусских детей на польском языке» не позволили расставить правильные акценты на «национальном характере школ в духе наибольшего обеспечения интересов белорусского народа» [24, с. 22].

Таким образом, представленная на основании текста постановления официальная оценка развития языковой ситуации определяет принудительный характер распространения польского языка в регионе среди школьников-белорусов. Вместе с тем до революционных событий 1917 г. и политики белорусизации посещение детьми-католиками из белорусских семей тайных польскоязычных школ нередко было для них единственной возможностью получить базовые навыки чтения и письма.

Несмотря на потерю польским языком статуса государственного языка, ряд польских писателей (К. Анзельм, Я. Броневская, А. Дегаль, Д. Равич, Д. Паньский), работавших в

то время в БССР, были приняты в члены Союза советских писателей. В 1940 г. в БССР были открыты два музея польских писателей-поэтов белорусского происхождения – музей А. Мицкевича в Новогрудке и музей Ю. Словацкого в Кременце. В это время было принято решение о создании литературного музея Э. Ожешко в Гродно.

Таким образом, в 1917–1941 гг. сфера повседневной и профессиональной коммуникации населения Беларуси во многом определялась вектором языковой политики официальных властей – Временного правительства и советской власти. С 1917 г. и до начала 1930-х гг. Временное правительство, а позднее и советская власть признавали и учитывали исторически сложившийся мультилингвизм в регионе. Начиная с 1930-х гг. полиязыковая коммуникативная среда не рассматривалась советскими властями как ключевой фактор при определении государственной языковой политики.

На развитие языкового образования в Беларуси в 1917–1941 гг. оказали влияние следующие факторы социолингвистического характера: 1) исторически закрепившееся, а также социально-, экономически-, культурно- и религиозно-обусловленное использование устной и письменной форм местных языков региона разными группами населения в разных контекстах; 2) юридически предоставленная в 1917 г. возможность для полиэтнического населения региона развивать родные языки – белорусский, идиш, польский, русский, литовский и др.; 2) повышение статуса белорусского языка за счет усиления его роли и расширения его функций в социуме в 1920-е гг., реформирование его графической системы в 1933 г. и постепенный отказ от повсеместного использования белорусского языка в различных сферах жизни, в том числе в образовании; 3) приобретение польским и еврейским (идиш) языками наряду с белорусским и русским языками статуса государственных языков в БССР в 1924 г. и начало создания полиязыковой системы дошкольного, школьного и высшего образования; 4) сокращение количества национальных школ с преподаванием на всех местных языках и постепенная русификация образования с 1930-х гг.

Список использованных источников

1. Дмитриева, О. П. Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны / О. П. Дмитриева. – Минск : Беларуская навука, 2017. – 243 с.
2. Об отмене вероисповедных и национальных ограничений : постановление Временного правительства // Электронная библиотека исторических документов. – URL: <http://docs.>

- historyrussia.org/ru/nodes/80384-postanovlenie-vremennogo-pravitelstva-ob-otmene-veroispovednyh-i-natsionalnyh-ogranicheniy-20-marta-1917-g (дата обращения: 07.02.2024).
3. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1918 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/kanstytutsyya-rsfr-1918-g/> (дата обращения: 07.02.2024).
 4. Ішчэ аб нацыянальнай школе // Беларускі шлях. – 1918. – 27 сакавіка. – С. 2.
 5. Мележка, І. Новая Беларусь / І. Мележка // Гоман. – 1918. – 19 ліпеня. – С. 1–2.
 6. Конституция Советской Социалистической Республики Белоруссии 1919 г. // Архивы Беларуси. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/home/dokumentalnaya-letopis-belarusi/1919-2/i-vsebelorusskij-sezd-sovetov-rabochih-krestyanskih-i-krasnoarmejskih-deputatov> (дата обращения: 07.02.2024).
 7. Щавинская, Л. Л. От Белорусского научно-культурного общества в Москве к республиканской Академии наук (1918–1919 гг.) / Л. Л. Щавинская // Государство, общество, церковь в истории России XX – XXI вв. : материалы XVIII Междунар. научн. конф., Иваново, 28–29 марта 2018 г. / редкол. А. А. Корнилов (отв. ред.) [и др.]. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2018. – С. 380–383.
 8. Прейгерзон, Ц. Ликвидация / Ц. Прейгерзон // Иерусалимская антология. – URL: <https://new.antho.net/wp/jj36-czvi-prejgerzon/> (дата обращения: 07.02.2024).
 9. Pinkus, B. The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority // B. Pinkus. – Cambridge – New York – New Rochelle – Melbourne – Sydney. – 1988. – 416 p.
 10. Бэмпарад, Э. Ідышыцкі эксперымент у савецкім Менску / Э. Бэмпарад // АРСНЕ. – 2007. – № 11. – С. 61–80.
 11. Куцмани, Б. Советская реформа правописания еврейского языка (идиш) в 1920 г. / Б. Куцмани // Тирош. Труды по иудаике. – Вып. 8. – М., 2007. – С. 222–238.
 12. Резько, П. Н. Становление и развитие системы университетского образования на территории Беларуси (конец XVII – начало XXI века) : автореф. дис... к-та пед. наук : 13.00.01 / Резько Петр Николаевич ; Бел. гос. ун-т имени Максима Танка. – Минск, 2015. – 26 с.
 13. Декларация о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии // Электронная библиотека исторических документов. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/158003-deklaratsiya-o-provozglashenii-nezavisimoy-sovetskoy-sotsialisticheskoy-respubliki-belorussii-31-iyulya-1920-g> (дата обращения: 25.04.2024).
 14. Алпатов, В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Соц-лингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В. М. Алпатов. – М. : Крафт+ИВ РАН, 2000. – 224 с.
 15. Конституция (основной закон) Белорусской Социалистической Советской Республики 1927 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/> (дата обращения: 07.02.2024).
 16. Glogowska, H. Bialorus 1914–1929. Kultura pod presja polityki / H. Glogowska. – Bialystok, 1996. – 213 s.
 17. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк, І. М. Ігнаценка, У. І. Вышыньскі [і інш.] ; Інстытут гісторыі АНБ. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
 18. Запрудскі, С. М. Гісторыя беларускага мовазнаўства (1918–1941) / С. М. Запрудскі. – Мінск : БДУ, 2015. – 191 с.
 19. Довнар, Т. И. История государства и права Беларуси / Т. И. Довнар, Н. М. Юрашевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 317 с.
 20. Спецсправка СПО ОГПУ о шовинистических и националистических проявлениях в БССР. 16 марта 1932 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/88342#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 07.02.2024).
 21. Праект спрашчэння беларускага правапісу / Беларуская акадэмія навук, Інстытут мовазнаўства. – Менск, 1933. – 49 с.
 22. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о государственных языках в Белорусской ССР от 27 июля 1938 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123894> (дата обращения: 08.02.2024).
 23. Латышева, В. А. Переписи населения 1897 и 1926 гг.: признаки национального самоопределения белорусов / В. А. Латышева // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал. У. Н. Сідарцоў (адк. рэд.), С. М. Ходзін (нам. адк. рэд.) [і інш.] – Мінск : БГУ, 2009. – Вып. 5. – С. 134–142.
 24. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об ошибках ЦК КП(б)Б и СНК Белорусской ССР в организации принудительного обучения белорусских детей на польском языке. 26 июля 1934 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123745#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 08.01.2024).

SUMMARY

Based on the relevant factual material, the historical and pedagogical analysis of the stages of the development of language education on the territory of Belarus in 1917–1941 in terms of the relationships between the languages used in the region and the local social groups is researched in the article. It is defined that the sphere of everyday and professional communication among the Belarusian population was mainly determined by the political vector of the authorities – the Provisional Government of 1917 and soviet power.

" The sociolinguistic factors that influenced the development of language education on the territory of Belarus in 1917–1941 are set. The correlation between the strengthening and weakening tendencies of the role of the state languages in the BSSR (Belarusian, Russian, Polish, Yiddish) and their educational functions is elicited.

Статья сдана в редакцию 06.05.2024
